

УДК 930.001.92

М.В. Соловьев

МАССКУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЭКСПАНСИЯ В ИСТОРИЮ

Массовая культура уже давно перестала быть абстрактным понятием и наполнилась конкретным содержанием. Рассматривается влияние массовой культуры на историческое сознание современных россиян. Автор утверждает, что средства массовой информации предлагают клише героев и антигероев российской истории, которая стала доходным делом, а не храмом самосознания нации.

Ключевые слова: история, массовая культура, историческое сознание.

Массовая культура разнообразна, многолика и, поскольку ее универсального определения не существует в силу объединения в самом термине взаимоисключающих вещей, выступает под всякими обличьями, названиями и синонимами. Ей посвящена обширная литература как за рубежом, так и в нашей стране. Было время, когда под ней подразумевали, прежде всего, кич, культурный ширпотреб. Сейчас ее сводят к попсе, мейнстриму (от англ. *mainstream* – основной поток, основное течение), гламуру, т.е. набору принятых, общепотребимых культурных стандартов, но так или иначе под ней обычно имеется в виду «эрзац-продукт» специализированных областей культуры, не порождающий собственных смыслов, а лишь имитирующий явления высокой культуры, пользующийся ее формами, смыслами и т.д. [1. С. 615].

Вряд ли сегодня есть область человеческого бытия, куда бы не вторглась или не дотянулась массовая культура. И история в этой экспансии отнюдь не стала исключением. Ведь как гуманитарная наука, занимающаяся изучением прошлого человечества, она представляет для масскульта благодатную почву и предоставляет весьма обильный материал. Исторические знания традиционно эшелонированы в массив изначальной информации, которую человек получает с раннего детства (в процессе социализации и инкультурации) и до глубокой старости. Они включены в минимум миропредставлений дошкольного воспитания, более предметно и объемно развернуты на следующих ступеньках образования (школьное, вузовское), неизменно входят в систему государственной идеологии и пропаганды, дают пищу массовым политическим движениям, партиям и их программам, подпитывают популярную социальную мифологию, составляют впечатляющий ряд в бесконечном параде отраслевых и тематических словарей, справочников, энциклопедий, огромны-

ми тиражами (и в электронной версии, конечно, тоже!) выпускающихся для неспециалистов. Если вспомнить, как много исторического материала (факты, события, легенды, предания, апокрифы, анекдоты, персоналии) присутствует сегодня в телешоу и прочей индустрии развлекательного досуга, всякие сомнения в том, находится ли история в зоне повышенного потребительского спроса, отпадут сами собой. Тем же, кто не убежден, что это действительно так, имеет смысл вспомнить о рекламе, в которой фигурируют Суворов, Ломоносов, Екатерина II. Сколько раз на дню, например, по телеканалам прокатывают клип, в котором некий сорт кофе рекламирует не кто-нибудь, а сам Петр Великий?

Но история попала в пространство масскульта не сейчас, а гораздо раньше. Достаточно обратиться к советским временам, когда в кроссвордах для любознательных пионеров цензура то ли по недомыслию, то ли нарочно пропускала такие вопросы: какого героя Гражданской войны сожгли в топке паровоза? Или: какой герой Великой Отечественной войны грудью закрыл амбразуру фашистского пулемета? Как легко догадаться, здесь имелись в виду Сергей Лазо и Александр Матросов, но справедливости ради надо сказать, что при всех издержках тогдашнего патриотического воспитания подобные этические накладки все-таки были редкостью, ибо хватало здравого смысла понимать: именам героев не место на вертикалях и горизонталях игр-задач и тому подобных интеллектуальных упражнений детворы. Заполнение буквами перекрещивающихся клеточек так, чтобы сложилось нужное слово, в данном случае шло не на пользу, а во вред и вело не к уважению памяти того или иного героя, а к совсем противоположному результату.

Как рвются теперешние шоумены, как свободно жонглируют, суля денежный приз или бонус, именами, по определению заслуживающими

общенародного пиетета, хорошо известно, и здесь можно обойтись без примеров. Маскульт на то и маскульт, чтобы, не делая различий, без тормозов запускать в свой неявный товарооборот и превращать в поп-идола любую историческую личность, будь то Сергей Радонежский, Марфа Посадница, Гришка Отрепьев, Петр Столыпин или Григорий Распутин. Потребитель послушно принимает правила игры и готов бездумно тасовать в памяти и публично называть, а грубо говоря, фактически валить в одну кучу имена национальных авторитетов и имена преступников, авантюристов, проходимцев. Проведение «телеконкурсов» по выявлению любимых героев отечественной истории служит тому красноречивым подтверждением.

Ясно, что высоколобые ученые бьют тревогу, ибо им трудно мириться с тем, как нивелируются и смещаются базовые ценности и установки, составляющие национальный код культуры. Но миссия маскульта как раз в том и заключается, чтобы закладывать взамен одних базовых ценностей другие и вместо подлинных утверждать мнимые. Она, как справедливо отметил известный российский философ В.М. Межуев, «обращена не к народу или к нации и не к каждому отдельно взятому индивиду, а именно к массовой аудитории, чтобы вызвать у нее однотипную, одинаковую для всех реакцию. Совместный, коллективный характер восприятия, когда мало знакомые и ничем не связанные между собой люди как бы сливаются в едином для себя эмоциональном отклике, – специфическая особенность приобщения к массовой культуре» [2. С. 40].

Если разобраться, сегодняшняя маскультурная революция в России – уже вторая. Первой была культурная революция, сопровождавшая социалистическое строительство. По всем основным признакам, показателям, проявлениям и направлениям она выстраивалась именно как маскультурная, но, как известно, даже при захвате командных высот (идеология, СМИ, школьная и вузовская система) не смогла окончательно восторжествовать и сосуществовала (в литературе, искусстве, науке) с настоящей культурой, продолжавшей и развивавшей лучшие национальные традиции, что, впрочем, не мешало обеим в чем-то сближаться и быть одной объединяющей надстройкой, как это произошло в годы Великой Отечественной войны.

Было бы неверно утверждать, что сегодняшние стандарты (включая ЕГЭ) в общеобразовательной и учебно-методические комплексы (УМК) по отечественной истории в высшей школе маскультурно деформированы по сравнению со многими памятными советскими учебными програм-

мами. Идеологическая парадигма, безусловно, изменилась, и классовая борьба и трудовая деятельность народных масс утратили свой приоритет в числе ведущих тем и вопросов. В нынешних перечнях обязательных знаний есть и цари, и отцы церкви, и подвижники во имя веры, и полководцы вроде запрещенного в СССР Скобелева. Но тенденция сводить в отобранный с санкции Минобрздравских чиновников компендиум все историческое многоцветье прошлого России восходит если не к средневековой схоластике с типичным для нее принципом «реестрового» построения знания, то по крайней мере к небезызвестному «Краткому курсу». Организовать и как-то иначе свести в систему колоссальный и разрозненный материал пока не получается. И естественно там, где узкое место, где в учебных текстах вместо ярко поданных событий и фактов, образного, увлекательного изложения нудно и однотипно, вперемешку с бесцветным информационным блоком следует утомительное перечисление причин, предпосылок, следствий, царит скука смертная, массовой культуре есть чем поживиться! Маскульт всегда найдет свободную нишу, когда плохо срабатывают специалисты-профессионалы. Чаще всего он одерживает победу там, где они не справляются со своей задачей. Так, в 80-е гг. прошлого века при почти полном отсутствии хорошей исторической беллетристики королем жанра надолго стал В.С. Пиккуль. Спрос на его романы был невероятный, и сейчас подобный дефицит в историческом чтении даже трудно себе представить, потому что на нынешнем книжном рынке все пустоты мгновенно заполняются, и на все вкусы обязательно найдется что-нибудь подходящее.

Здание нашей истории долго и незыблемо было таким величественным и монолитным, что разрушенное вместе с развалом Советского Союза еще сохранилось в головах старших поколений россиян как незабываемый, нетленный образ. И никакие другие, тем более неравноценные, модели истории сознание и подсознание очень и очень многих людей принимать не хочет. В этом, наверное, и коренится природа массового отторжения нынешних учебников и стереотипное мнение, что в них наше давнее и особенно недавнее прошлое представлено не так, неправильно, в слишком черном цвете и выглядит, как в «перевернутой» поговорке: бочка дегтя с ложкой меда. На самом деле столь мрачная картина была актуальна по меньшей мере четверть века назад, когда эра плюрализма вынесла в прямой эфир и на книжный рынок не только множественность мнений и противоположных суждений, но и потоки совершенно

очевидного информационного мусора, скандальных разоблачений, сомнительных откровений, дешевых сенсаций. Лихо закрученные биографии некоторых действующих лиц и творцов российской истории больше смахивали на тайно собранные шантажистами досье с компроматом. Различить в этом мутном потоке очистительные воды исторической правды и зловонный слив заведомой лжи было далеко не просто. К тому же разоблачение старых мифов сопровождалось очень бурным новым мифотворчеством. Когда миллионы людей чувствуют себя обездоленными в настоящем, не ждут добра от будущего, да вдобавок им массивно вдалбливают, какой, дескать, зловонной ямой было их прошлое, поневоле возникает потребность в мифах, и в дело активно включается маскульт. Не случайно до сих пор так популярны нескончаемые, как мексиканские сериалы, книги А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского – предприимчивых толкователей истории, предлагающих не столько заявленную ими новую хронологию, сколько новую мифологию. Между прочим, Россия и весь славянский мир выглядят с подачи названного авторского тандема весьма достойно, чем, возможно, в немалой мере объясняется его феноменальный успех у читателей. Больше того, фоменковские фолианты вполне могут восприниматься как утешительный приз после бесчисленных публикаций, в которых наше Отечество с удручающей повторяемостью выводилось то как безнадежно отстающее от цивилизованной Европы, то догоняющее ее. Спрашивается, не загадка ли, как оно, такое дефективное и неполноценное, выстояло, никому не дало себя ни завоевать, ни покорить, стало пионером в освоении космоса и т.д.?

Но секрет неувядающей популярности названного авторского дуэта объясняется и добротным качеством предлагаемого им маскультурного продукта. Как и обычные, без специализированной подготовки, читатели, Носовский и Фоменко приступают к историческому исследованию, не владея ни источниковедением, ни историографией, ни теорией, методикой и техникой изучения исходного материала. Это примерно то же самое, что в высшей математике братья за решение линейных уравнений, не имея понятия о системе Крамера и Гаусса, без знания элементов линейной алгебры или аналитической геометрии, не говоря уж о дифференциальном и интегральном исчислении. Разумеется, у профессиональных историков нет монополии на изыскания такого рода, которые предприняли два неопита, но в отличие от них никто из современных жрецов Клио не взялся обстоятельно и доходчиво, располагая понятно вы-

строенными фактами и аргументами, рассказать непосвященным то же самое. К тому же Фоменко с Носовским на должном уровне используют в работе над историческими сочинениями свой опыт интеллектуального поиска, сканирования, селекции и обработки информации, накопленный ими как учеными-физиками. И на первый взгляд, особенно с точки зрения неискушенной публики, они справились с трансляцией идей и смыслов в области исторических знаний лучше, чем сами историки, хотя на самом деле всего лишь с серьезными погрешностями и крупными искажениями подвели под уровень обыденного понимания явления из сферы специализированного исторического знания, т.е. как бы выполнили перевод с научного языка на простой и понятный большинству, причем особую убедительность их трудам придало очевидное (увы, далеко не всем!) наукообразие. Обращение непосредственно к источникам, возможно, избавило бы многих поклонников Фоменко и Носовского от лженаучных представлений, но для основной массы читателей это по многим причинам непосильная задача, тогда как интерпретация истории в «Новой хронологии» вполне по уму.

Манипуляции с историей – устойчивая прерогатива, присвоенная маскультом, и упомянутые соавторы здесь далеко не первопроходцы. И в советской, и в теперешней практике освещения исторического прошлого и настоящего найдется сколько угодно примеров упрощения фактов, событий, явлений, мотивации поведения личности, сведения сложных вопросов к не требующим мозгового штурма объяснениям типа заговора мировой закулисы, расположения звезд или магии чисел, вытекающей из ведической нумерологии.

Маскульт оперирует симулякрами – клишированными копиями, суррогатными заменителями истинных ценностей и величин. И история вовсе не только в репрезентации Фоменко и Носовского все больше напоминает искусственный конструкт, наполненный тенями прошлого, изображениями без оригинала.

Как светочи, так и злодеи принимают облик факсимильного оттиска, штампа, не оставляющего ничего живого, исторически подлинного. Мультиплицирование затертых образов Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Бориса Годунова, Александра II, Ленина, Сталина настолько их обезличило, словно они не реальные исторические фигуры, а персонажи шоу двойников. Любое многократное экспонирование и трафаретное воспроизведение одного и того же обесмысливает и окарикатуривает историю, превра-

щая ее в массовое постановочно-зрелищное представление с заранее известными жестами, ужимками, позами действующих лиц.

Подобным образом под оптимизированные вкусы и интересы массового потребителя кинематографисты недавно подвели «матрицу» Высоцкого. Если знаменитый бард и актер в самом деле был таким, как показан в фильме «Спасибо, что живой», непонятно, чем он интересен, как зажигал людей, чем приворожил Марину Влади. Жаль, если этот кинообраз запомнится, отложится в созна-

нии и подсознании тех, кто не знал поэта, но хочется верить, что после бледного симулякра настоящий Высоцкий, т.е. его богатейшее и как никогда сейчас актуальное творческое наследие, будет еще больше притягателен и востребован.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. 2-е изд., перераб. М.: Согласие, 2010. 672 с.
2. *Межуев В.М.* Идея культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.